

Очерки изъ боевой жизни Владивостокской эскадры.

Въ бою.

Не прошло и шести дней, какъ отрядъ вернулся изъ двухнедѣльнаго крейсерства въ Тихомъ океанѣ, а уже вновь онъ былъ готовъ къ походу; пришелъ во Владивостокъ и послѣдній захваченный имъ призъ, большой почтовый пароходъ, долговременное пребываніе котораго въ пути беспокоило личный составъ отъ адмирала до матроса.

Послѣднія извѣстія изъ Портъ-Артура ясно указывали, что близится то время, когда 1-ая эскадра Тихаго океана уже пополнится исправленными кораблями и сможетъ вступить въ относительно равный бой съ японцами, да и кромѣ того она и принуждена будетъ это сдѣлать, такъ какъ непріятельскія береговья батареи уже стали дѣйствовать по судамъ, находившимся въ гавани.

Отрядъ стремился поддержать своихъ далекихъ товарищей, а когда въ послѣднихъ числахъ іюля вышелъ онъ ночью въ море и на разсвѣтѣ адмиралъ поднялъ сигналъ о слѣдованіи 1-й эскадры изъ Портъ-Артура во Владивостокъ, никто не былъ удивленъ и отлично понималъ, что будетъ серьезная встрѣча съ непріателемъ, что произойдетъ бой, и прежняя задача крейсеровъ—отвлекать силы непріателя отъ Портъ-Артура, въ настоящее время потеряла свое главное значеніе.

Выйдя изъ залива Золотой Рогъ, отрядъ легъ на знакомый курсъ къ Цусимскому проливу, и на утро слѣдующаго дня перестроился изъ кильватера въ строй фронта, но съ промежутками въ 10 миль.

Такой маневръ былъ произведенъ для того, чтобы увеличить районъ видимости отряда и тѣмъ самымъ предоставить себѣ возможность не пропустить Портъ-Артурскую эскадру въ томъ случаѣ, если она шла во Владивостокъ южнѣе или сѣвернѣе курса флагманскаго крейсера; на ночь суда вновь вступали въ строй кильватера и въ этомъ порядкѣ на разсвѣтѣ 1 августа подходили къ Цусимскому проливу.

Старшій лейтенантъ стоялъ собачку и передъ смѣной внимательно осматрѣлъ горизонтъ: звѣздная ночь была тиха, море поблескивало отъ легкой ряби, бѣлесоватая мгла лежала на темномъ горизонтѣ, и только со стороны Японіи небо казалось чуть свѣтлѣе — то занималась заря: сдѣлавъ вахту, спустился онъ къ себѣ въ каюту и, думая заснуть часокъ другой, не раздѣваясь легъ на койку. Едва дремота начала овладѣвать нѣсколько утомленнымъ офицеромъ, какъ до его чуткаго слуха, привыкшаго сквозь сонъ различать всѣ необычныя отклоненія въ корабельной жизни, донесся тревожный звукъ барабана и горна. Вотъ онъ повторился яснѣе, и черезъ минуту лейтенантъ уже бѣжалъ по верхней палубѣ на свое мѣсто по боевой тревогѣ. Люди стояли по расписанію, быстро убирались сегментные снаряды и поднимались фугасные, еще черезъ минуту корабль былъ готовъ къ бою, и офицеры и прислуга отъ орудій вглядывались въ горизонтъ, стремясь разсмотрѣть, кто былъ причиной тревоги. Свѣтало, со стороны Кореи горизонтъ былъ темень; со стороны Японіи небо уже приняло розоватый оттѣнокъ; съ кормы на пути къ Владивостоку видѣлась какая-то безформенная масса, окутанная дымомъ и предразсвѣтной мглой. „Свои или чужіе“?.. естественно возникала у каждого мысль, и отрядъ, какъ бы желая выяснитъ это обстоятельство, не производя ни единого выстрѣла, поворачиваетъ на нѣсколько румбовъ въ сторону непріятеля.

Загадочный пока клубокъ судовъ дыма и мглы, мало-по-малу въ лучахъ разсвѣта, теряетъ свою безформенность, и изъ него выдѣляется корпусъ корабля, лежащаго на параллельный отряду крейсеровъ курсъ.

— „Пересвѣтъ“, тихимъ говоромъ передается изъ усть въ уста, но не чувствуется увѣренности въ этомъ опредѣленіи, чувствуется лишь желаніе, чтобы это было такъ, потому что появленіе нашихъ судовъ въ Цусимскомъ проливѣ даетъ надежду на удачный исходъ прорыва Портъ-Артурской эскадры во Владивостокъ.

— „Побѣда“, высказываетъ предположеніе командиръ носовой

группы орудій, рассматривая въ бинокль дѣленій корпуса второго корабля. Но третій корабль? Такого корабля, съ отдѣлившейся отъ двухъ первыхъ трубъ, третьей дымовой трубой, въ русскомъ флотѣ нѣтъ.

— „Атзума“, громко говоритъ онъ, и какъ бы въ подтвержденіе его словъ съ флагманскихъ кораблей встрѣтившихся враговъ блеснули огни и гулко разнесся по недвижимому воздуху первый выстрѣлъ шестидюймоваго орудія, а когда солнце, громадное, переливающееся огненными струйками, выглянуло изъ-за горизонта, бой былъ уже въ полномъ разгарѣ.

Командиръ стоялъ на верхнемъ открытомъ мостикѣ: съ высоты пятидесяти футъ ясно видѣлъ онъ четыре непріятельскіе корабля, бортъ которыхъ непрерывно прорѣзался струйками огня; стрѣльба велась японцами страшно быстро, масса снарядовъ пролетала надъ мачтами крейсеровъ, а попаданій во второй крейсеръ было еще немного.

Разстояніе между врагами стало увеличиваться и достигло шестидесяти кабельтовыхъ, при которыхъ стрѣльба изъ шестидюймовыхъ пушекъ стала затруднительной, и въ этотъ моментъ почти одновременно два непріятельскихъ восьмидюймовыхъ снаряда попадаютъ въ боевой форъ-марсъ и переднюю трубу: нѣсколько человѣческихъ тѣлъ, обезображенныхъ взрывомъ, летятъ съ форъ-марса въ воду, другіе грузно шлепаются на палубу; изъ двѣнадцати человѣкъ, находившихся на марсѣ, одиннадцать во главѣ съ офицеромъ, отъ котораго осталась на крейсерѣ ступня, найденная впоследствии въ катерѣ, пали жертвою долга; осколками отъ этихъ двухъ снарядовъ были переранены почти всѣ находившіеся на мостикѣ, а самъ командиръ получилъ легкую рану въ голову, послѣ чего спустился въ боевую рубку, гдѣ ему сдѣлали перевязку и откуда онъ продолжалъ управлять крейсеромъ.

Большое разстояніе позволяло вести бой только восьмидюймовыми орудіями, при чемъ со стороны непріятеля таковыхъ дѣйствовало шестнадцать, а со стороны отряда крейсеровъ только четыре ¹⁾.

Къ этому времени палуба крейсера была усѣяна тѣлами прислуги мелкой артиллеріи, которая дѣйствовала въ началѣ боя на близкомъ разстояніи, и двумя-тремя взорвавшимися на верхней палубѣ снарядами была сметена: японскіе снаряды, съ чувстви-

¹⁾ Двѣ 8-ми дюймовыя орудія третьяго крейсера были стараго образца—не дальнобойныя.

тельными трубками; при разрывѣ давали сотни мелкихъ осколковъ, которые подобно пулевой струѣ пулемета не оставляли живого непоцарапаннаго борта, задѣвая конечно по пути тѣхъ людей, которые стояли у орудій на верхней палубѣ. И когда по крейсеру пронеслась команда „отъ мелкихъ орудій отойди“, на перевязочный пунктъ явились уцѣлѣвшіе, ихъ было только половина, а черезъ нѣсколько минутъ, уже перевязанные во многихъ мѣстахъ они присоединялись къ прислугѣ казематныхъ орудій.

Лихой комендоръ, отъ 75 м./м. орудія на правомъ шкафутѣ съ повязкой на головѣ вступилъ въ обязанности второго номера у 8-ми-дюймоваго носового, взамѣнъ убылого, смертельно раненнаго, но не успѣлъ пробыть и двухъ минутъ, какъ осколкомъ, залетѣвшимъ съ верхней палубы, вторично былъ раненъ въ лѣвое плечо, а черезъ пять минутъ опять онъ оказался на своемъ мѣстѣ и энергично дѣйствовалъ одной правой рукой.

У праваго восьмидюймоваго кормового орудія, незащищеннаго казематомъ, кромѣ перваго номера перемѣнилась вся прислуга, а орудіе все неизмѣнно посылаетъ врагу свои гостинцы.

На кормовомъ мостикѣ два офицера: командиръ кормовой группы и командиръ plutонга восьмидюймовыхъ орудій: лейтенантъ съ бѣлокурой бородкой, бывавшій въ жестокихъ схваткахъ въ Китайскую кампанію, весело посмѣивался, подбадривая людей, оставшихся у крупныхъ орудій; безбородый, съ породистымъ лицомъ, длинный мячманъ смотрѣлъ въ бинокль, стараясь уловить свои попаданія, но не такъ это было легко: въ сильныя стекла были видны только всплески отъ падающихъ снарядовъ, не взрывававшихся о воду, — только въ рѣдкихъ случаяхъ, при ударахъ въ бронированныя части корабля, — въ бортъ, рубку или башню, — удавалось замѣтить вспышки огня и небольшое облако желтаго дыма; все же, попадавшее въ незащищенный бортъ, проникало внутрь судна и можетъ быть тамъ разрывалось, но наблюдающему за огнемъ видѣть эти попаданія не представлялось физической возможности.

При такихъ условіяхъ трудно было русскимъ управлять огнемъ, тогда какъ, оглянувшись на задній мателотъ, можно было наблюдать, какъ всякій японскій снарядъ, задѣвавшій трубу, бортъ, штаги корабля, поднималъ при разрывѣ громадный столбъ чернаго дыма, а нѣкоторые снаряды рвались даже при ударѣ о воду, и лишь два-три снаряда попадало въ крейсеръ, какъ пальба усиливалась и море вокругъ него какъ бы

кипѣло отъ громаднаго количества бросаемыхъ врагомъ снарядовъ.

Высокій столбъ чернаго дыма, мягкій звукъ отъ взрыва снаряда и исковерканная корма миннаго катера, стоявшаго на бортовыхъ блокахъ на линіи шканцевъ, указали на мѣсто новаго вражескаго попаданія: бѣлокурый лейтенантъ тихо опустился на палубу, на бѣломъ кителѣ и брюкахъ, разорванныхъ около живота, выступили яркія пятна крови; въ голубыхъ глазахъ, такъ бодро, такъ весело слѣдившихъ за боемъ, появилось выраженіе боли, но черезъ минуту они стали спокойными; къ офицеру подбѣжалъ мичманъ, у котораго осколками того же снаряда оторвало двѣ пуговицы тужурки, и матросъ со шрамомъ на лбу; еще подбѣжалъ одинъ матросъ съ носилками, и молодое, только-что полное жизни, тѣло понесли внизъ; но, мучаясь отъ боли, бравый офицеръ нашелъ еще силы слабѣющимъ голосомъ подбодрить геройскую прислугу восьмидюймовыхъ орудій.

— Хорошенько ихъ, братцы, — были слова его, и слова послѣднія, такъ какъ на перевязочномъ пунктѣ онъ былъ безмолвенъ; лишь тускнѣвшій взоръ едва могъ уловить изображеніе креста, которымъ благословлялъ офицера судовой священникъ, напутствуя умирающаго въ жизнь вѣчную.

Снаряды стали попадать чаще: вотъ одинъ проникъ черезъ верхнюю палубу; рядъ патроновъ для шестидюймовыхъ орудій, снятыхъ съ бесѣдки и приготовленныхъ къ подачѣ, былъ обращенъ ихъ открытой частью въ сторону непріятельскаго снаряда—при взрывѣ осколки осыпали эти патроны, и огненнымъ столбомъ съ желтоватымъ дымомъ вспыхнувшаго бездымнаго пороха охватило безусаго плутонговаго командира, а когда возвращавшійся съ перевязочнаго пункта матросъ со шрамомъ на лбу потушилъ изъ пипки начинавшійся пожаръ, онъ увидѣлъ недвижимое стройное тѣло молодого мичмана, совершенно обнаженное, безъ малѣйшихъ наружныхъ ссадинъ или ранъ, но желтое, какъ лимонъ, отъ ожога.

Два часа прошло послѣ начала боя, и тревога за третьяго товарища овладѣла двумя сильными крейсерами: съ артиллеріей стараго образца, со старой машиной, при поворотѣ получилъ онъ снарядъ въ корму, и это попаданіе было для него смертельнымъ: заклинило руль, и крейсеръ потерялъ возможность управляться.

Какъ только давалъ онъ ходъ, положенный на бортъ руль заставлялъ крейсеръ описывать циркуляцію, и

онъ остановился. Непрiятель, замѣтивъ это, сосредоточилъ на безпомощномъ крейсере всю силу огня, и съ замиранiемъ сердца смотрѣли съ другихъ крейсеровъ, какъ высокіе столбы огня и дыма отъ взрыва вражескихъ снарядовъ то и дѣло лизали незащищенные борта крейсера и какъ на каждый такой взрывъ слышался отвѣтный выстрѣлъ. Дважды крейсера поворачивали къ раненому товарищу, проходя между нимъ и непрiателемъ, защищая его и принимая на себя градъ снарядовъ, въ надеждѣ, что въ этотъ періодъ отвлеченiя огня успѣетъ онъ оправиться, успѣетъ онъ подняться съ силами и вступить въ прежній строй кильватера.

Еще участились попаданiя, такъ какъ крейсера, оберегая грудью товарища, проходили пространство, по которому врагъ уже пристрѣлялся.

Въ носовомъ казематѣ залетѣвшими осколками и огненными брызгами зажгло приготовленные картузы для восьмидюймоваго орудiя, вспыхнула желтымъ пламенемъ оболочка картузовъ и наполнила дымомъ помещенiе, еще нѣсколько секундъ и температура горѣнiя достигнетъ опасной нормы, произойдетъ страшный взрывъ и выведетъ онъ изъ строя людей, а главное орудiе. И командующій офицеръ, и раненый легко въ руку артиллерійскiй кондукторъ, и находившіеся матросы ясно понимаютъ грозящую опасность и на горячіе картузы направлены двѣ пипки, выливается вода изъ орудiйной кадки, бросаются оставшіеся съ ночи бушлаты и . . . огонь потушенъ; какъ бы злобствуя на такую удачу, рядомъ съ казематами, въ носовой палубѣ взрывается еще одинъ снарядъ: комендоръ и первый подносчикъ убиты, а артиллерійскiй кондукторъ и шесть матросовъ ранены.

Тѣмъ временемъ къ подбитому товарищу исподтишка подошелъ одинъ изъ трехъ небольшихъ непрiятельскихъ крейсеровъ, только-что появившихся на горизонтѣ, и помѣстившись у него за кормой, послалъ въ раненаго одинъ за другимъ убійственные снаряды. Больно было смотрѣть на это избiенiе, и комендоръ ретирднаго орудiя, въ обстрѣлѣ котораго находился этотъ крейсеръ, специально имъ занялся: ведя самостоятельную пристрѣлку, онъ добился того, что его снаряды стали падать сначала близко, а затѣмъ, къ громадному удовольствию прислуги, крейсеръ, получивъ нѣсколько снарядовъ въ корпусъ, началъ быстро удаляться съ оказавшейся для него непрiятной позиціи.

Съ шипѣнiемъ и свистомъ летятъ непрiятельскiе снаряды:

однихъ не видно, это большіе перелеты, другіе летятъ медленно, и видно, какъ они кувыркаются въ воздухѣ. „Вотъ эти, ваше высокоблагородіе, акробаты, постоянно въ крейсеръ и попадаютъ“, докладываетъ мичману молодцеватый подшкиперъ, стоящій при командирѣ кормовой группы, „а одинъ, такъ ударился донной частью о бортовую броню и упалъ въ воду, совсѣмъ не взорвавшись“. Вначалѣ опѣшившій, но вскорѣ овладѣвшій собой, этотъ достойный унтеръ-офицеръ могъ рассказывать исторію cadaго изъ попавшихъ непріятельскихъ снарядовъ. Судьба хранила его и въ то время, какъ онъ отдѣлался только царапиной, да мичманъ, простоявшій четыре съ половиной часа на открытомъ мостикѣ, лишился двухъ пуговицъ отъ тужурки, кругомъ царилъ смерть: у дѣйствовавшихъ орудій чуть не по три раза смѣнялась прислуга, люди, стоявшіе у пипокъ, на подачѣ и голосовой передачѣ были всѣ переранены. Въ носовой части потери въ людяхъ были сравнительно меньшія.

— „Старшаго офицера, старшаго офицера....“ передается тревожный кликъ.... „въ рубку требуютъ старшаго офицера“, говорятъ между собою матросы; „командира убило“, распространяется тревожная вѣсть: сильно надѣется команда на своего строгаго судового командира и хочется ей не вѣрить этой гибели.

Большой непріятельскій снарядъ, ударившійся въ стѣнку боевой рубки, разорвался, и масса осколковъ, коснувшись внутренней поверхности грибовидной крыши, рикошетировала внутрь рубки: командиръ, 3 офицера и всѣ до одного нижняго чина были задѣты этими злополучными гостями.

Обливаясь кровью, обильно текущей по спинѣ изъ глубокой раны, шатаясь, вышелъ изъ рубки старшій минный офицеръ и обезсиленный упалъ на руки подхватившихъ его матросовъ.

Прапорщикъ запаса флота, бывшій командиромъ носовой противоминной артиллеріи и стоявшій на полубакѣ, почувствовавъ бѣду, стремглавъ бросился къ рубкѣ, и глазамъ его представилась необычайная картина: на рулѣ никого не было, съ окровавленной головой ничкомъ лежалъ рулевой, старшій штурманъ и артиллерійскій офицеръ, раненые и отравленные газами, согнувшись, стояли у стѣнокъ; окровавленный командиръ, еле ступая, передвигался по рубкѣ, еще нѣсколько тѣлъ лежало на палубѣ.

Позвавъ людей для уборки убитыхъ и оказанія помощи

раненымъ, спокойный, выдавшій виды за свою, коммерческаго моряка, живнъ, прапорщикъ всталъ на руль и до прихода старшаго офицера являлся и командиромъ громаднаго корабля, и его простымъ рулевымъ.

Вскорѣ послѣ этого случая, отрядъ крейсеровъ временно вышелъ изъ сферы огня, и при наступившемъ затишьѣ произвели перевязку командиру; восемнадцать ранъ было на его тѣлѣ, но, узнавъ, что въ командѣ пронесся слухъ о его смерти, поддерживаемый офицеромъ и квартирмейстеромъ, началъ обходить онъ всѣ палубы и казематы и обвязанный во всѣхъ направленіяхъ бинтами, благодарилъ команду за службу, а подъ аккомпаниментъ вновь начавшейся пальбы и взрывовъ вернулся въ боевую рубку, гдѣ, сѣвъ на стулъ, продолжалъ руководить боемъ.

— „Куда вы, ступайте внизъ“, обращается легко раненый лейтенантъ къ дважды раненому артиллерійскому кондуктору, съ разгорѣвшимся боемъ вновь появившемуся въ казематѣ: упираясь одной рукой на палку, имѣя подъ мышкой другой руки половую щетку, безъ сапога, съ перевязками на животѣ и ногѣ, ковылялъ общій любимецъ крейсера, пытаясь подняться по трапу. „Какъ же, нельзя иначе, ваше высокоблагородіе, я при исправленіи орудій и совершенно могу давать всѣ указанія“ — былъ отвѣтъ этого кондуктора, ставившаго долгъ службы выше всѣхъ тѣхъ нравственныхъ преимуществъ, которыя, казалось бы, давали ему полученные имъ дважды раны. И, дѣйствительно, въ этотъ моментъ испортился замокъ у восьмидюймаго орудія, и тотчасъ же достойный кондукторъ совместно съ машиннымъ квартирмейстеромъ, знаменитымъ, какъ незамѣнимый слесарь, орудовали около этого важнаго механизма.

Лейтенантъ вышелъ изъ каземата на палубу, чтобы посмотреть на оставшійся вдаль подбитый крейсеръ, и окинувъ привычнымъ глазомъ водную гладь, вздрогнулъ: со стороны непріятели по ровной поверхности воды шла борозда, какъ бы отъ курка мины. „28 кабельтовыхъ“, вспомнилъ онъ послѣднее разстояніе, данное съ мостика, и зная, что это разстояніе слишкомъ велико для мины, бросился на полубакъ, желая все-таки провѣрить свое впечатлѣніе.

— „Вы видите“? обратился онъ къ прапорщику. „Да, мина, а можетъ быть касатки, ихъ тутъ такая масса, но во всякомъ случаѣ она проходитъ мимо“. Дѣйствительно, пучекъ воды, приподнятый какимъ-то невидимымъ двигателемъ, прошелъ

между крейсерами, и, уже не безпокоясь за участь крейсера, офицеры вернулись къ своимъ обязанностямъ.

Третій крейсеръ тѣмъ временемъ какъ будто оправился, и казалось, что онъ двигается впередъ; такое же впечатлѣніе вынесъ видимо и флагманскій корабль, такъ какъ отрядъ уже не возвращался болѣе на югъ, а шелъ на сѣверъ, какъ бы отвлекая всѣ силы врага на себя; скоро изъ глазъ воюющихъ подбитый товарищъ скрылся, а между тѣмъ шла перестрѣлка съ тѣмъ только различіемъ, что стрѣльба эта была не такъ быстра, какъ раньше; теперь можно было слѣдить за каждымъ выстрѣломъ непріятеля.

На крейсерѣ оставалась еще половина боевого запаса, но зато много пушекъ сдало: нѣкоторые механизмы, непробѣренные достаточнымъ опытомъ, оказались негодными.

Кочегарь-татаринъ, раненый въ ногу и стрѣлявшій за перваго номера изъ шестидюймоваго орудія въ носовой батарее, со злобой бросилъ свою фуражку на палубу и заковылялъ къ плутонговому командиру, молодому мичману въ пенснэ, которое въ его жизни сыграло не малую роль: осколокъ снаряда, ударившись о хрусталь, изъ котораго они были сдѣланы, отломилъ половину стекла и рикошетировалъ въ сторону.

— „Вашимъ высокоблагородіямъ, подъемная машина ломай; зачимъ такой плохой матеріалъ“, жаловался онъ, размахивая руками, видимо жестоко обиженный, что въ тотъ моментъ, когда изъ роли второго подносчика онъ попалъ въ отвѣтственное мѣсто комендора, орудіе, которое онъ такъ любилъ, вдругъ отказалось служить. „Погонному дырка мала, палить въ японца нельзя“, продолжалъ сѣтовать онъ на малый угловой обстрѣлъ единственнаго, оставшагося неповрежденнымъ носового орудія.

— „Ступай въ казематъ, тамъ пригодишься“, приказалъ мичманъ, и кочегарь-комендоръ заковылялъ дальше, уже бормоча что-то по-татарски.

Бой, повидимому, стихалъ, но вотъ непріятель, пользуясь тѣмъ, что Русскій флагманскій крейсеръ, вслѣдствіе поврежденія трубъ и котла, принужденъ былъ уменьшить ходъ до 12 узловъ, сталъ сокращать разстояніе: думалъ онъ, можетъ быть, что можетъ съ близкаго разстоянія нанести больше поврежденій, хотѣлъ, можетъ быть, онъ стрѣлять минами, но на заднемъ крейсерѣ только этого и ждали: яркой огненной полосой зажегся правый бортъ, и изъ полдюжины шестидюймовыхъ орудій, расположенныхъ въ закрытой палубѣ, посыпался на непріятеля градъ снарядовъ; неожиданной такой энергичной

стрѣльбы, а сѣдя по рѣдкой пальбѣ русскаго флагманскаго корабля, у котораго могли дѣйствовать всего двѣ пушки, предполагавшій окончательно разгромить ненавистный ему отрядъ, не выдержалъ японскій адмиралъ отпора и, понемногу увеличивая разстоянія, внезапно повернулъ на 16-ть румбовъ и скрылся изъ вида удивленныхъ такимъ его поступкомъ крейсеровъ.

Но послѣднимъ, случайно залетѣвшимъ снарядомъ, унесло еще нѣсколько дорогихъ для флота жизней: рябоватый первый боцманъ, такъ много, за долгую сверхсрочную службу, вложившій своихъ знаній, труда и силы на пользу отечества, ничтожнымъ осколкомъ, угодившимъ въ лобъ, былъ убитъ наповалъ, рядомъ съ нимъ тихо повалился и матросъ со шрамомъ, такъ много потрудившійся въ этомъ бою. Къ нему подбѣжалъ молоденькій матросъ изъ числа приставленныхъ къ носилкамъ: раненый, съ усиленіемъ приподнимаясь на локоть, прерывающимся, точно отъ одышки голосомъ, прошепталъ: „скажи ротному, что заслужилъ я“.... „Что заслужилъ?“ переспросилъ въ недоумѣніи матросъ, остановленный этой фразой, неожиданной ея и не зная, что ему дѣлать....

„Онъ знаетъ, въ караулъ“.... Кровь хлынула горломъ и, не докончивъ начатой фразы, честный человекъ, — то сама судьба видно не хотѣла, чтобы тайна, которая была извѣстна ротному командиру и ему, обнаружилась раньше, чѣмъ другой обладатель ея, узнавъ о славной смерти незамѣтнаго героя, не перекрестился за упокой души его широкимъ знаменіемъ и не рассказавъ объ этомъ случаѣ въ средѣ своихъ товарищей, дѣлясь съ ними боевыми воспоминаніями.

Славлеву.

